

Культура. — 1999 — 4-10 марта. — с. 1

Древо жизни Фазиля Искандера

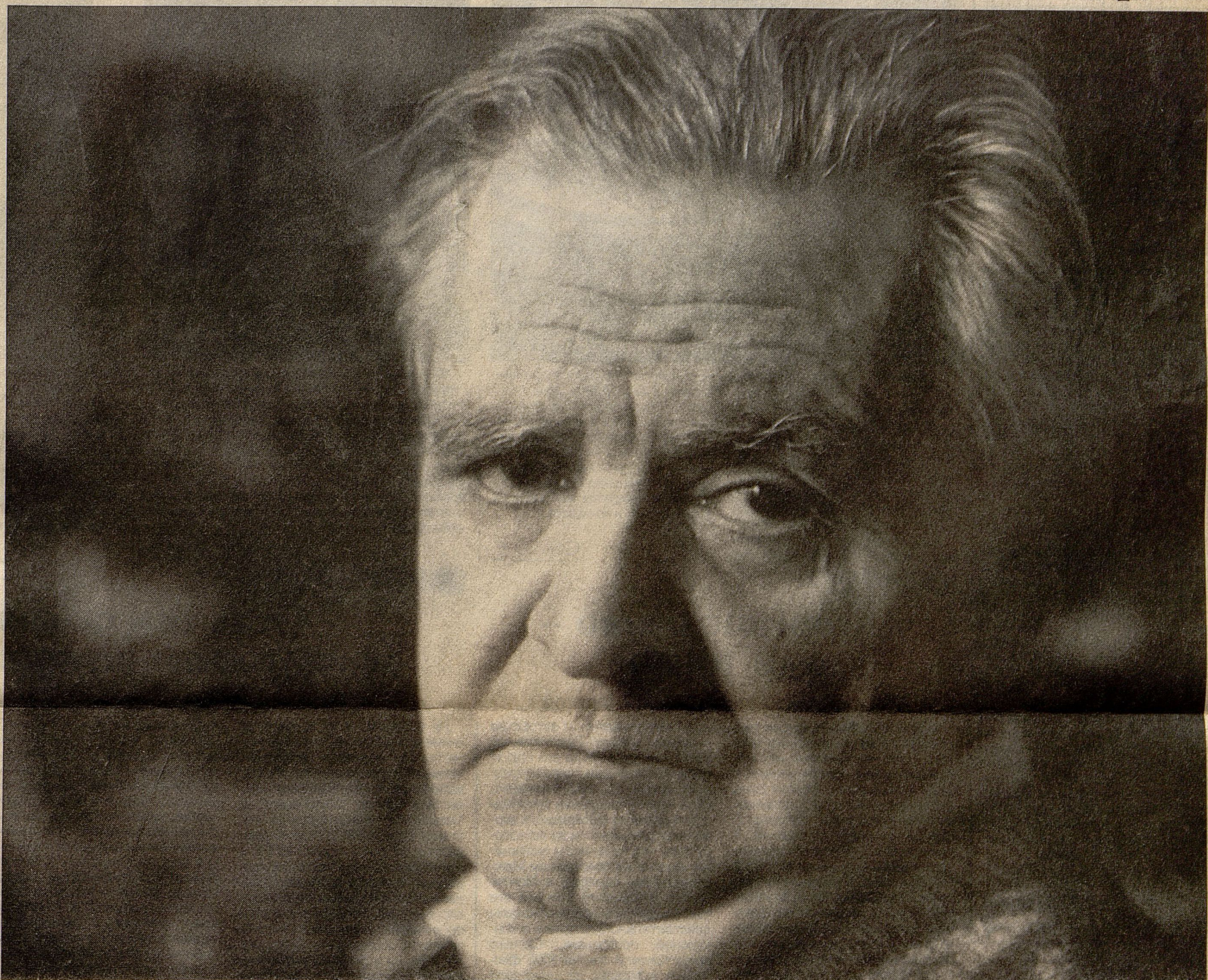

Фото Н. САМОЙЛОВА и А. ФЕДОРОВА

Немного ребенок. Немного озорник. Немного провидец.

В давних своих заметках он писал: "В России жил один из самых гармонических поэтов мира — Пушкин. Больше никогда не повторившееся у нас — великое и мудрое пушкинское равновесие. Однако гармония в российской жизни пока никак не удаётся".

Действительно, величайший гармонический поэт был, а гармонии как не было, так и нет. Странно, не правда ли?

Пойдите разберитесь — шутит Искандер или всерьёз?

Да даже если и был, что с того? Во-первых, и с пушкинской гармонией не все так однозначно, а во-вторых, одно дело словесность — пусть даже в такой литературоцентристой стране, как наша, а другое — реальность, которая ни в какие схемы не лезет.

Но зато какой неожиданный и, главное, красивый поворот мысли! Мысли, которая танцует от самого дорогого для Искандера — от культуры. От духа. Обращенная всей своей страстью к жизни, она ищет опору именно там. "Выходит, мы плохо читали Пушкина", — делает вывод писатель, и поневоле задумываешься: а может, и вправду плохо?

Искандер всегда немного лукавит, то есть создает вокруг своей

мысли свободное пространство, где каждый волен додумать сам, избавленный от тягостной принудительности.

Но говорит-то он все равно о важном для всех. Слова "гармония", "равновесие", "мудрость" — любимые в его лексиконе. И детская наивность — одна из основ его прозы (вспомним мальчугана Чика) — счастливая способность смотреть на мир глазами ребенка, удивляясь, недоумевая, негодуя, радуясь или грустя.

Искандер — писатель, остро чувствующий значительность каждого мгновения, каждой жизненной подробности. Он не только умеет развернуть их в эпическом пространстве своих рассказов и повестей, постепенно вырастающих в романы, но и пытается извлечь из них глубокий обобщенный смысл, который доступен скорее поэзии, нежели прозе. Не потому ли, читая многие его сочинения, особенно о детстве в Мухусе с его гостеприимными дворишками (явный перевертыш от Сухуми) или Чегеме — горном селе в Абхазии, ставшем благодаря писателю местом почти легендарным, остро чувствуешь первосотворенность жизни, ее почти библейскую значительность.

Искандер — эпик, но он и лирик. Не случайно среди его книг есть и стихотворные, он пишет подлинную

философскую лирику, в которой сердце ищет гармоничного слияния с умом. Вот ведь почему он так о Пушкине.

Однако искандеровская мудрость — не изначальная, она в каждодневных усилиях и трудах выкована — в противостоянии абсурду и воинственной глупости. Кому-то, а Искандеру ведома и ночная сторона бытия — темная стихия пола, беспросветность одиночества, душевная смута... Он остро чувствует не только прелесть жизни, но и ее хрупкость.

Писатель вместе с героями отталкивается от них, поэтизируя именно дневное начало — "сладость ясности", спокойную и твердую веру в надежность жизни, в торжество здравого смысла. И тут ему на помощь приходит знаменитый искандеровский — то несколько сумрачный, то искрящийся — юмор. Палочка-выручалочка, почти волшебная, не дающая обрушиться равновесию, даже если готов вырваться крик ужаса.

Шутка, острота, улыбка, лукавая усмешка — мужественное преодоление боли, возвышение над крайностью. Взгляните на улыбающегося Искандера, на его вдруг светлеющее лицо, обычно сумрачное и сосредоточенное, — сразу понятно, что это улыбка человека, который много знает разного

про жизнь, и, увы, отнюдь не всегда утешительное.

Это знание — в принесшем ему известность "Созвездии Козлотура". Вроде давно это было (1966), зато как звонко скакал этот выведенный на благо социалистического хозяйства монстр! До сих пор эхо.

Оно — в его сатирическом эпосе "Сандро из Чегема", "истории рода, истории села Чегема, истории Абхазии и всего остального мира, как он видится с чегемских высот".

Искандер если и показывает мрачное — Сталина ли, мафию ли, — то у него получается смешно и не мрачно, а скорее горько и немного печально. Тоже почти сквозь слезы. Что ж делать, трагедия — всегда обратная сторона комедии. А "... чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставленный этим обратным путем, и будет настоящим юмором", — делится писатель своим опытом.

Не будем, впрочем, преувеличивать трагедийность художественного мира Искандера. Потому что упор он все равно делает на другом — на защитных силах жизни, главная из которых именно юмор. Как, впрочем, и то самое ореховое дерево детства, которое ассоциируется в его прозе не только с мощью са-

мой жизни, но и с мощью рода.

Род для него, все эти тетки, дядья, братья, сестры, дети, внуки, дети внуков, деды и бабки, — как магический защитный круг. Вот почему густота населенности его сочинений на квадратный сантиметр, обилие в них разных родственников, плюс еще и соседей с их родственниками, плюс еще друзей и близких знакомых, как бы тоже получивших статус родственности, — знак дома. В такой патриархальной обжитости со всех сторон родными людьми тепло, как у домашнего очага.

Для Искандера этот мотив — мотив дома — чрезвычайно важен. Не случайно любимая его идея — разделение всей мировой литературы на литературу дома и литературу бездомья. Литературу гармонии и литературу тоски по гармонии: Пушкин — Лермонтов; Толстой — Достоевский; Ахматова — Цветаева...

Искандер не столько учит, сколько дразнит нас беспокойными вопросами, на которые у человечества по сию пору, увы, нет окончательного ответа. Он нам напоминает о них, смеясь и шутя, с настойчивостью человека, всерьез растроженного ими.

Евгений ШКЛОВСКИЙ

10.03.99

Искандер Фазиль